

Сергей Бондаренко

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ ДЕТСТВА

В.Набоков

ПРИГЛАШЕНИЕ... 2

На днях мне показалось, что роман "Приглашение на казнь" Набокова выходит за пределы феноменологии и проходит своим "эдиповым катком" по полям психоанализа. Речь о гипотезе еще одного возможного смысла романа (первый пост о феноменологическом смысле романа см. <https://www.facebook.com/serge.boundary/posts/3712040225512605>).

Вначале я обнаруживаю в разрушении места пребывания главного героя с тем, как рушатся человеческие иллюзии в момент его экзистенциального кризиса; как происходит отказ от не оправдавшего себя мира и интуитивное движение на зов новых оснований собственного бытия — новых, похожих на него реальных живых, а не бутафорских существ.

Потом обнаруживаю, что в заботливо-развлекательном приготовлении к казни Цинцинната (Цинциннатика, Цин-Цина) есть четкие признаки тех очень знакомых из опыта каждому из нас одновременной заботы, манерного сюсюканья ("Плящай, плящай, — залепетала Марфинька"), заискивания в поиске дружбы и жестокости в неизбежном отлучении от детства, которые допускают взрослые в отношении своих детей вот-вот-подростков.

И приговор, произнесенный шепотом за "гносеологическую гнусность", непознаваемость в смысле "непрозрачности" для окружающих, непохожесть на них, очень даже хорошо ложится на концепцию непроницаемости потенциального взрослого воздействию, к которым (взрослым) главному герою-подростку предстоит присоединиться впоследствии.

Туда же в утрачиваемое полное фантазий и идеализаций детство уходит легендарное полное изобретений и путешествий прошлое мира, который пришел в упадок и с которым главному герою предстоит расстаться.

И расставание это подобно расставанию с самим собой; со своими не реализованными фантазиями; много раз обманутым, но, в конце концов, пойманым на неизбежном сопротивлении подчинению пустым со своими условностями и фальшивой игрой картонным взрослым — все это подобно расставанию со своей жизнью.

И тут я увидел главный шедевр Набокова. Возможно, он об этом даже и не думал. Возможно, у него это вышло ненамеренно, случайно. Но я увидел Марфиньку. И всё стало на свои места.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Прежде, чем приступить к описанию гипотезы, читателю следует принять во внимание и далее постоянно помнить о том, что роман "Приглашение на казнь" повествуется исключительно из перспективы мироощущения и воспоминаний главного героя. Поэтому любая ситуация и отношение к ней, описанные в романе, — это ситуация и отношение в представлениях и переживаниях исключительно главного героя.

КЛИНИЧЕСКАЯ КАРТИНА

Цинциннат по словам Набокова рос без матери. До описанных событий ожидания казни он ее видел один лишь раз. И из последующих описаний становится ясно, что это было неприятное событие, типа встречи с понятием "мать" как функции положения начала без продолжения. Последнее для понимания "эдипова катка" романа имеет ключевое значение.

Набоков так описывает появление матери в жизни героя.

Сначала директор тюрьмы употребляет слово "мать", обыгрывая его чуть далее словами "мамаша" и "мамахен", огрубляет его до предела, тем самым указывая на единственное принятое в обществе функциональное определение матери — "женщина, родившая вас". И далее ответ:

"— ...Видал всего раз в жизни, — сказал Цинциннат, — и, право, никаких чувств... нет, нет, не стоит, не надо, это ни к чему".

Но у рожденного и брошенного Цинцинната появляется супруга Марфинька — объект его несбыточного вожделения, постоянно ему изменяющая и потому мать не его детей.

Близкая по закону и одновременно недостижимая, не понимающая терзающих его мук ревности и инфантильной неспособности настаивать на своем монопольном праве на секс, она искренне удивляется его негодованию и унынию.

Постоянное ожидание от женского пола нежности и фантазируя на тему сексуальной близости, связывая ее с близостью душевной, главный герой стабильно разочаровывается в тех, о ком фантазирует. Его ожидания и иллюзии героиням фантазий представляются смешными и неуместными.

Цинциннат определенно не входит в орбиту сексуальных интересов Марфиньки. А в последнее время ей с ним даже предельно скучно, в чем она ему откровенно признается в последней встрече:

"— А вот почему ты такой скучный, кислый, Цин-Цин? Я думала, ты будешь так рад мне, а ты..."

И далее, чтобы как-то занять себя, развивает ситуацию в принципиально не комфортное для героя направление:

"— Не знаю, какие тут правила, — сказала она вполголоса, — но, если тебе нужно, Цинциннатик, пожалуйста, только скоро.

— Оставь. Что за вздор, — сказал Цинциннат.

— Ну, как желаете. Я только хотела тебе доставить удовольствие, раз это мое последнее свидание и все такое.

Словно мама говорит своему сыну подростку в директорском кабинете: "Ну давай я тебя обниму на прощанье". А он, вполне понимая, что под прицелом врагов, да еще и на вражеской территории невозможно проявление такой нежности, отвечает: "Оставь. Что за вздор"..

У Цинцинната была также фантазия о дочери директора тюрьмы. Но двенадцатилетняя Эммочка еще слишком ребенок, чтобы смотреть на главного героя, по-взрослому. Поэтому она его не слушает и не слышит даже как человека. У нее своя игра и свои забавы с новой "игрушкой" на территории ее родителя.

И вот последняя встреча Цинцинната с Марфинькой. Она начинается с недетской непристойной двусмысленности:

"— ...И трудно же было добиться разрешения! Пришлось, конечно, пойти на маленькую уступку, — одним словом, обычная история. Ну, как ты поживаешь, мой бедный Цинциннатик?

— Признаться, не ждал тебя, — сказал Цинциннат. — Садись куда-нибудь.

— Я уже вчера добивалась, — а сегодня сказала себе: лопну, а пройду. Он час меня держал, твой директор, — страшно, между прочим, тебя хвалил"

И почти ею же заканчивается: "Она вернулась только через три четверти часа, неизвестно по поводу чего презрительно, в нос, усмехаясь; поставила ногу на стул, щелкнула подвязкой и, сердито одернув складки около талии, села к столу, точь-в-точь как сидела давеча".

Именно между этими двусмысленностями она рассказывает Цинциннату о своей встрече с его матерью, и о том, что она просила Марфиньку удостоверить, ее (матери) отказ от своего материнства и исполнения обусловленного им долга.

"— Она — так и так, ах, нет, ах, да, — и вот просит, нельзя ли ей дать такую бумажку, чтобы я, значит, руками и ногами подписала, что она никогда не бывала у нас и с тобой не видалась".

Марфинька не удовлетворила просьбу матери и не аннулировала материнский долг одновременно, не признав и его наличие:

"— Но это была действительно моя мать, — сказал Цинциннат.

— Может быть, может быть. В конце концов, это не так важно..."

КУЛИНАРИЯ ЗВУКОВ

Идея положить в основание романа Эдипов комплекс пришла из проговаривания и, как бы пробования на вкус, имени Марфинька, когда я пытался понять ее место и роль в концепции тюрьмы и казни как процесса прощания с детством и его принудительным окончанием.

Проговаривая раз за разом имя я неожиданно для себя услышал за редуцированным звуком "р" и огубленным звуком "ф" несколько подзабытое, ни разу в романе не встречающееся (!), но очень подходящее роману стилистически слово "маменька".

Обратите внимание, что слово "папенька" в романе есть, и оно применяется к персонажу тестя главного героя.

"— Горе, горе! — провозгласил тесть и стукнул тростью..

— Папенька, оставьте, ведь тысячу раз пересказано, — тихо проговорила Марфинька и зябко повела плечом".

В итоге у меня возник далеко не праздный вопрос: почему Набоков назвал жену главного героя именно Марфинькой? Почему не близкой по звучанию Марьянкой, которая фонетически тоже близка слову "маменька"?

Ответ я увидел в этимологии имени Мария, которое в переводе с древнееврейского Мариам означает "любимая", "желанная". В то время, как Марфа означает "госпожа", "хозяйка". Что больше соответствует смыслу слова "мама".

Если бы выбор автора пал на Марьянку (Марию), то роман приобрел бы яркую христианскую интерпретацию. Обязательно нашелся бы критик, который обнаружил бы аллюзию на Христа и Богородицу. Полагаю, вряд ли, Набоков этого не видел, и ему этого хотелось бы. Тем более, что в таком случае, как мы увидим позже (а вы это можете и сами сейчас себе представить), текст обретал небывало скандальный размах и последствия. Поэтому выбор пал на Марфу, то есть Марфиньку.

КАТОК ЭДИПА

Набоковская казнь детства, как я понимаю, разворачивается в сознании ребенка, переживающего расставание с домом, родными и когда-то любимой, а теперь чужой и бесчувственной маменькой.

Рассмотрим сюжет романа подробнее.

Некий мальчик по имени Цинциннат (далее, Цинциннатик) живет с маменькой — чуть полноватой, кареглазой одинокой женщиной. Полнота тела здесь имеет то сексуальное значение, которое влечет своей мягкостью и нежностью прикосновения ребенка к материнской груди, а карие глаза темны в смысле их непрозрачности, непонятности, невыразимости.

Периодически он чувствует и это замечают другие, что становится непроницаемым для окружающих взрослых — самостоятельным, утратившим прозрачность управляемого и понятного взрослым ребенком.

Предполагаю, что под непрозрачностью в романе следует понимать своенравие, капризность, протест. Такая интерпретация соответствует контексту романа, в котором непрозрачный главный герой противостоит

полупрозрачному окружению. На этом же основании маменька просит сына в конце их последней встречи покаяться, а Цинциннатик не понимает в чем и за что именно.

Далее воспоминаниями главного героя нам открывается сад, в котором он играет с куклами. В фантазии Цинциннатик видит себя уже взрослым: ходит на работу, учит детей, а по вечерам возвращается к своей жене – маменьке.

Поэтому вместо "в двадцать два года был переведен в детский сад учителем разряда Ф, и тогда же на Марфиньке женился" следует читать в эдиповом контексте: "в два плюс два года был переведен в сад 'учителем', и тогда же на маменьке 'женился'".

Примечательно, что тогда же Цинциннатика впервые привлекают к учебе. Мальчик воспринимает это как последствия доноса, в котором "осторожно, в виде предположения высказывалась мысль об основной нелегальности Цинцинната" как ребенка.

Взрослые "в течение нескольких суток ему не давали спать, принуждали к быстрой бессмысленной болтовне, доводимой до опушки бреда, заставляли писать письма к различным предметам и явлениям природы, разыгрывать житейские сценки, а также подражать разным животным, ремеслам и недугам. Все это он проделал, все это он выдержал — оттого что был молод, изворотлив, свеж, жаждал жить, — пожить немного с.." маменькой.

А далее "эдипов каток" лишь набирает скорость, разворачиваясь в трагедию "неверной жены" и появление у нее не его детей — ненавистных ему младших хромого и злого брата и тупой, толстой и почти слепой сестры — уродцев, которых он обязан по-отцовски любить и заботиться о них.

Под тяжестью навалившихся на Цинциннатика новых не совсем игровых обязанностей он теряет над собой контроль и больше не сдерживает своего негодования. Он становится невыносимым для окружающих, и его приговаривают к смерти детства.

Думаю, что под смертью следует понимать отправку в школу-интернат, а под тюремной камерой понимать комнату для новых учеников или любую другую комнату для гостей данного заведения.

Директор заведения учтив, услужлив, всячески пытается успокоить мальчика, все пребывающего в шоковом недоумевающем состоянии после приговора домашнего совета. Цинциннатик еще не до конца понимает трагичность своего отлучения от дома, и поэтому не испытывает столь

ожидаемого взрослыми всепоглощающего чувства страха перед его реальной, а не иллюзорной домашней (с куклами и близкими, родными) социализацией.

Месье Пьер, он же "палач" и, по всей видимости, будущий учитель и наставник мальчика, статусом не ниже профессора или мецената, так что перед ним заискивает даже директор, перед "казнью детства" всячески пытается подружиться с Цинциннатиком и нарциссически демонстрирует ему не только себя, свои умения, но и не дюжую силу и ловкость, запугивая будущего ученика, давая понять, что "в случае чего-с" сопротивление бесполезно.

В какой-то момент в очередной приход маменьки, мальчик видит ее не как маменьку, а как мать — чужую ему женщину. Он впервые обращает внимание на их телесное сходство. Ее прозрачные глаза, в отличие от карих непрозрачных глаз маменьки, именно потому прозрачны, что легко им читаемы, понятны и ничего не в силах утаить.

В этот раз она не играла с ним в близость, а суетилась о вещах, пытаясь относиться к нему как к чужому взрослому (ни тебе ласкового слова, ни объятий), чему Цинциннатик противопоставляет ответное отчуждение: "Я же отлично вижу, что вы такая же пародия, как все, как все. И если меня угощают такой ловкой пародией на мать... Ах, полно, полно. Только не пускайтесь в объяснения. Играйте свою роль, — побольше лепета, побольше беспечности, — и ничего, — сойдет".

Такое сопротивление сына выливается не то в укор, не то в открытие тайны, что он, Цинциннатик, такой же не прозрачный как и его отец. Так мальчик, не знавший своего отца и грезивший о своей матери, вдруг открывает, что он с ним одной природы. Он сомневается, не верит матери, спрашивает возможно ли, что она знает то, что по логике знать не должна. На что она ему ответила лишь испытанием веры: "Больше вам ничего не скажу, — произнесла она, не поднимая глаз".

Здесь самое время вспомнить о возможной христианской версии интерпретации романа, где Сыну открывается, что он одной природы со своим Отцом. Но, как мы уже условились, автор решил обойти это скандальное недоразумение десятой дорогой. Поэтому и я на нем не настаиваю, хотя и вспомню еще раз в самом конце текста.

Далее был визит маменьки уже как самой маменьки, в который она попыталась отменить прошлую холодную свою встречу с сыном, но так и не

отменила, оставив за собой право относиться к нему, сыну, как взрослому. Мы об этом говорили выше в части "Клиническая картина".

Незадолго до казни, сначала любвеобильный палач-учитель своим "тайным подкопом" в его личные покои, а потом и директорская дочь, Эммочка, "тайной тропой", ведущей беглеца прочь к желанной свободе... непосредственно в кабинет услужливого директора, разыгрывают перед мальчиком имитацию побега, считая крайне забавным сломать последнюю надежду ребенка на спасение.

И вот наступает день, приходит час, а Цинциннатик все также не готов. Его ведут к месту казни. И ему все больше становится страшно. Страх обостряет зрение и открывает доселе не виданные абсурды бытия. Фантазии ребенка окончательно рушатся.

Цинциннатик перед входом в аудиторию (она же "Интересная площадь") просит подождать и дать ему время для обретения храбрости, пока он будет считать до десяти. Но не досчитав, он вдруг открывает бесполезность следования ожиданиям взрослых и делает свой первый взрослый шаг к другой жизни. Именно эта решительность ребенка, на мой взгляд, и вызвала недоумение взрослой публики — ужас перед возникшей реальной подростковой непокорностью секунду назад бывшего запуганного ребенка.

В конце концов, мир домашних его иллюзий и страхов рушится и эмоционально выгоревший бесчувственный Цинциннатик идет на голоса в аудиторию к таким же как он непрозрачным для взрослых, своенравным непокорным сверстникам-подросткам.

Смерть детства состоялась.

МАСШТАБ СКАНДАЛА

Ну вот, мы уже знаем, что жена главного героя Марфинька уже ему не жена, а маменька, а сам Цинциннатик уже не мужчина, приговоренный к казни, а подросток Цинциннатик (Цин-Цин), обреченный к взрослению и приговоренный к расставанию со своим домом и своими иллюзиями.

Поэтому здесь и далее для обретения читателем понимания масштаба скандальной провокации романа я заменил в цитируемом его оригинальном тексте имя Марфинька на слово "маменька", а имя Цинциннатик и местоимение "он" — на Цинциннатик и мальчик соответственно. Также для исключения

путаницы уместным было заменить мальчика и девочку (сына и дочь Марфиньки) соответственно словами "братец" и "сестрица".

"Там-то, на той маленькой фабрике, работала маменька, — полуоткрыв влажные губы, целилась ниткой в игольное ушко: "Здравствуй, Цинциннатик!" ... Там, там — лепет маменьки, ее ноги в белых чулках и бархатных туфельках, холодная грудь и розовые поцелуи со вкусом лесной земляники".

"В четыре года был переведен в детский сад учителем разряда Ф, и тогда же на маменьке женился".

"В течение нескольких суток ему не давали спать, принуждали к быстрой бессмысленной болтовне, доводимой до опушки бреда, заставляли писать письма к различным предметам и явлениям природы, разыгрывать житейские сценки, а также подражать разным животным, ремеслам и недугам. Все это он проделал, все это он выдержал — оттого что был молод, изворотлив, свеж, жаждал жить, — пожить немного с маменькой. Его нехотя отпустили, разрешив ему продолжать заниматься с детьми последнего разбора, которых было не жаль, — дабы посмотреть, что из этого выйдет".

"Между тем маменька в первый же год брака стала ему изменять; с кем попало и где попало. Обыкновенно, когда Цинциннатик приходил домой, она, с какой-то сытой улыбочкой прижимая к шее пухлый подбородок, как бы журя себя, глядя исподлобья честными карими глазами, говорила низким голубиным голоском: "А маменька нынче опять это делала". Мальчик несколько секунд смотрел на нее, приложив, как женщина, ладонь к щеке, и потом, беззвучно воя, уходил через все комнаты, полные ее родственников, и запирался в уборной, где топал, шумел водой, кашлял, маскируя рыдания. Иногда, оправдываясь, она ему объясняла: "Я же, ты знаешь, добренькая: это такая маленькая вещь, а мужчине такое облегчение".

"Скоро она забеременела — и не от него. Разрешилась братцем, немедленно забеременела снова — и снова не от него — и родила сестрицу. Братец был хром и зол; тупая, тучная сестрица — почти слепа. Вследствие своих дефектов оба ребенка попали к нему в сад, и странно бывало видеть ловкую, ладную, румяную маменьку, ведущую домой этого калеку, эту тумбочку.

Цинциннатик понемножку перестал следить за собой вовсе, — и однажды, на каком-то открытом собрании в городском парке, вдруг пробежала тревога, и один произнес громким голосом: "Горожане, между нами находится — " — тут последовало страшное, почти забытое слово, — и налетел ветер на акации, — и мальчик не нашел ничего лучше, как встать и удалиться, рассеянно срывая листики с придорожных кустов. А спустя десять дней он был взят".

И так далее..

МЕЧ ЭДИПА

Возвращаясь в обещанный выше последний раз к теме возможной христианской интерпретации эдипового смысла романа, хотелось бы обратить внимание читателя на следующее.

Нет, не на то, что лица отца главного героя, как и Отца Спасителя, никто не видел; что он явился и ушел во тьме, словно явился ночью Иакову или укрытому в глубокой расщелине Моисею, показав последнему лишь спину; или что познала его из всех живых одна лишь мать Цинцинната.

Аллюзия отца главного героя на Отца Небесного напрашивается сама собой и потому она не интересна. Нет в ней того эдипового напряжения отцеубийства. Спаситель любил своего Отца всем сердцем своим, по определению. И это не обсуждается. Поскольку целью Бога (Отца, а не Мужа) была не мать Иисуса, а только сам Иисус, что исключает соперничество последнего за мать с первым.

Мое предложение обратить на это внимание касается другого (именно одного) нераскрытого персонажа романа — любовников матери главного героя.

Сотканный из множества ситуаций, намеков и интерпретаций он невидим и растворен в читательском воображении воображением Цинциннатика. Столь же неясной, не видимой фигурой предстает перед всяким христианином образ земного отца Иисуса — Иосифа.

Могла ли быть у маленького Иисуса, будущего Спасителя, человечества ревность к Иосифу относительно его матери Марии?

Не потому, что Он ее желал. Нет. Но потому, что Он ее любил, как то единственное земное телесное звено, соединявшее Его, Сына, с Отцом

Небесным, и вместе с любовью понимал, что каждый раз, когда великодушный, смиренный и героичный, но смертный адамогрешный Иосиф познает Его маменьку, происходит нечто немислимое противоестественное – крушение идеала богорождения.

Думал ли об этом маленький Иисус? Сложный вопрос. Мог ли Он вообще испытывать эдипов комплекс в отношении своих матери и отчима?

Теопсихиатрия еще не придумана.

Здесь можно было поставить и другой вопрос: была ли Мария законной женой Иосифу согласно законам Моисея, или она была с ним лишь обручена, не подтвердив замужества фактом интимной связи, и в нарушение закона жила не с родителями, а в доме мужчины, который мужем ей во факту не является?

Ох уж эти споры о точках, запятых и традиции "Приснодевы".

Не синодальный перевод Матфея 1:25 "...and knew her not till she had brought forth a son" дает нам четкий ответ: была женой, а не вечной невестой Обручника.

И далее, как бонус-следствие, повод девятилетнему Иисусу иметь особое отношение к великодушному, смиренному и героичному, но смертному адамогрешному отчиму Иосифу.

Но только повод, и не более того.

Лишь только потому, что Он есть Бог, Спаситель,

И не коснется даже волоса Его

Сомнения и ревности владыка, Искуситель.

Как-то так..))

7 марта 2021 года

Варшава